

КНИГА В.П. БУРЕНИНА «КРИТИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ И ПАМФЛЕТЫ» В КОНТЕКСТЕ СПОРОВ О СУДЬБЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В.П. Буренин (1841 – 1926) – поэт, пародист, переводчик, драматург, литературный и театральный критик – занимает в истории русской литературы особое место. Можно говорить, что оно определяется той литературной репутацией, которая складывалась при его жизни и прочно закрепилась после смерти. Одним из факторов, способствовавших ее формированию, была позиция критика в литературных спорах той поры. И хотя с течением времени стала очевидной правота В.П. Буренина во многих спорах, по сей день на нем лежит печать «губителя» молодого поэта С.Я. Надсона [см. об этом 3], циника и врага демократической литературы. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить литературно-критические позиции В.П. Буренина, выразившиеся в его книге «Критические очерки и памфлеты» (1884) [2].

Эта книга, вышедшая в свет при жизни автора и составленная им самим, включает в себя ряд публикаций, появлявшихся в периодической печати. В них были выражены свежие, непосредственные впечатления автора от литературных новинок, а также опубликованы материалы, связанные с известным иском, направленным против В.П. Буренина М.М. Стасюлевичем. Отбор публикаций для отдельной книги свидетельствует, на наш взгляд, о том, что критик дорожил ими, полагал, что они не потеряют своей актуальности и характеризуют его деятельность или позицию в литературе. Думается, это дает возможность выявить темы, важные для автора, а также мнения, которые, видимо, не были временными или скоропалительными, раз он счел возможным опубликовать эти статьи еще раз.

Открывает книгу рецензия «Обыкновенная история», семантика заглавия которой отсылает читателя к творчеству И.А. Гончарова. Однако посвящен он повести Анны Стацевич «Идеалистка». Под этим псевдонимом выступала в печати В.В. Тимофеева (Тимофеева – Починковская), (1850 –1930), писательница, автор воспоминаний о Ф.М. Достоевском и Г.И. Успенском. В 1870-е гг. она служила корректором в типографиях А.И. Траншеля и М.М. Стасюлевича, а после революции вела подвижническую деятельность в Михайловском, разоренном в результате погромов. Но в 1880-е гг. она пробовала себя в создании беллетристики и была писательницей малоизвестной. В.П. Буренин пишет, что «... всегда с некоторым любопытством принимаюсь за всякий новый плод отечественного творчества, особенно если этот плод подписан именем малоизвестным или совсем неизвестным, появляющимся впервые на страницах журнала» [2, с. 2].

Повесть в журнале «Слово» привлекла его внимание еще и потому, что написана она была женщиной. «Автор повести Анна Стацевич. Произведения женского пера у нас, за двумя-тремя исключениями (Крестовский-псевдоним,

Марко Вовчок) обыкновенно отличаются книжностью, отсутствием простоты и естественности в описаниях и диалогах действующих лиц. Первые страницы "Идеалистки" приятно поразили меня простотою и столько же краткою, сколько удачною и правдивою обрисовкою трех девиц и набросанною вскользь оригинальной фигурой их отца-священника» [2, с. 2 – 3]. В.П. Буренин как будто начинает положительную рецензию на повесть, которая привлекла его тем, что написана новым автором-женщиной. В качестве приятного исключения он называет Н.Д. Хвоцинскую (Зайончковскую) и известную украинскую писательницу М.А. Вилинскую (Маркович), потому повесть А. Стацевич вполне могла оказаться произведением, стоящим внимания читателя.

Несмотря на то, что повесть В.П. Буренину явно не понравилась, он размышляет о ней, как он пишет, «в назидательных целях». «Для начинающего "пера", – пишет он, – особенно женского, повесть вообще недурна, несколько наивна, местами сделана неискусно и фразисто, местами обнаруживает талант. Но что главное, написана она очевидно от души, искренно» [2, с. 3]. Все это побуждает критика более подробно рассмотреть произведение. Он пересказывает содержание повести о провинциалке, приехавшей в Петербург, чтобы жить самостоятельной трудовой жизнью. Перед ее глазами проходят представители различных социальных слоев, и их образы дают возможность В.П. Буренину иронизировать над представлениями автора о писателях, литературных кружках, юристах, врачах и пр. Однако сюжет произведения вызвал в памяти другое произведение, которое он случайно приобрел в книжной лавке – «Нигилистка». Поэму неизвестного автора, которую критик цитирует, оказывается удивительно похожей на «Идеалистку». Критик не уличает автора повести в плагиате, он сокрушается потому, что талантливая, по-видимому, писательница «на десяти печатных листах» рассказала банальную, избитую историю. Но вывод, который делает критик, выходит далеко за пределы обзора литературной новинки. Он пишет, что трагедия русского общества заключается в стремлении к героизму, к преодолению и борьбе там, где нужны обычные, нормальные человеческие поступки. «... К счастью жизни, – пишет он, – к наслаждению страсти и чувства, к усвоению знания, к служению "гражданским" идеям, к подвигам самоотвержения и человеческой любви, – одним словом, к тому, что наполняет душу удовлетворением красоты и добра – ко всему этому ведут самые обыкновенные, простые пути» [2, с. 26]. В.П. Буренин провозглашает приоритет здравого смысла, призывает читателя не обманываться на счет героини, которая, якобы, была способна на великое, а погибает среди пошлости и мелочности.

Можно сказать, что книга «Критические очерки в памфлеты» пронизана этим призывом В.П. Буренина к здравому смыслу. О чем бы критик не писал, – о разосланном в издательства анонимном приглашении принять «Проект соглашения по вопросу "о пределах литературной полемики"» [2, с. 30 – 48], предполагавшим отлучать от литературы нарушающих правила литературных

споров; о критике Э. Золя [2, с. 49 – 57] или о воспоминаниях П.В. Анненкого [2, с. 70 – 86], он говорит, в сущности, об одном и том же – о необходимости смотреть на явление с точки зрения здравого смысла. Он понимает под ним некую «норму», которая позволяет ему, например, оценить достоинства литературной критики Э. Золя, которую в русской печати ставили в пример русским критикам. Он обращается к статьям писателя о драме и показывает, что принципы натурализма в его романах дают интересный, оригинальный результат, позволяют ему лучше и вернее охарактеризовать человеческую природу. Но его представления о драме не могут быть реализованы, потому что драматургически проект Э. Золя способен выхолостить саму природу театра. «Золя очень интересен как романист, как автор маленьких беллетристических этюдов об общественной жизни Франции, которые он дает иногда в своих письмах, – писал В.П. Буренин. – Но как критик он не особенно важен и зачастую, если не вреден, то, во всяком случае, бесполезен и курьезен» [2, с. 57]. С этим мнение согласились бы и многие современных исследователи его критики.

Когда В.П. Буренин отвлекается от литературы, его внимание привлекают насущные вопросы современности. Среди самых вопиющих, по его мнению, несуразностей общественного сознания, выделяется вопрос о молодежи, решение которого приобрело истерический характер. В.П. Буренин писал о том, что для некоторой части общества судьба молодежи представляет собой пункт помешательства, – ей готовы служить, угождать, работать во имя нее, не имея программы и идеала. В резкой форме, используя довольно острые выражения, В.П. Буренин довольно точно и верно ощутил нерв времени. «В нашей склонности к ленивому ничегонеделанию, – говорит он, – в нашем отвращении от всякой дисциплины последовательного мышления лежит, главным образом, причина той беспорядочности умственной и общественной, которую нередко мы принимаем за широкое реформаторство, даже за революционерство» [2, с. 61]. Мысль о том, что русской молодежи требуются руководители, которые могли бы указать ей верный путь, вызывает у В.П. Буренина резкую отповедь. Он полагал, что место «руководителя» не может занимать такой деятель литературы, как Протопопов, когда у нее есть пример Белинского и Добролюбова. Он пишет: «Вот когда она достигнет такого блаженного состояния, что будет принимать грубо льстящих ей пришельцев и пошлецов за своих пророков, когда она одуреет настолько, что забудет всякие идеалы былых литературных руководителей, вроде Белинского и Добролюбова, идеалы, которые они почерпали из глубины ”творческого духа”, – когда она заменит эти литературные идеалы холопско-практическими идеалами г. Протопопова, <...>, тогда она как раз попадет на “новый путь”, уразумеет ”новое слово” и совершит настоящие великие подвиги» [2, с. 67]. Язык В.П. Буренина – это язык русской журналистики той поры, использующей нелюбезные выражения, нередко переходящей на личности, иронизирующей больше, чем анализирующей. Однако позиции критика

позволяют говорить о том, что он и в 1880-е гг. оставался на демократических позициях, авторитетными для него оставались Белинский, Гоголь, Добролюбов и Толстой. Он с раздражением писал о «подражателях» и имитаторах, эксплуатирующих лучшие темы и образы русской классической литературы, а также развенчивал «желтую» прессу, осмеивая публикуемые в ней сплетни о великих писателях или общественных деятелях.

Примером того, как В.П. Буренин осмыслял особенности литературного процесса той поры, может быть его статья «Тургенев семидесятых годов» [2, с. 181 – 217]. Посвященная творчеству одного писателя, А.И. Эртеля, она касается целого ряда проблем современной ему литературы. Как известно, А.И. Эртель не был писателем «первого» ряда, однако его творчество высоко ценили В. Короленко, И. Бунин, которых восхищало его умение изображать жизнь русской деревни. Лучшим произведением писателя по праву считается его роман «Гарденины», который высоко оценил Л. Толстой. Но в молодости, входя в литературу «Записками Степняка» и рассказами, А.И. Эртель, как писал И.А. Бунин, «...двух слов не умел связать в самом невзыскательном уездном обществе, плохо знал, как обращаться с салфеткой, писал с нелепейшими орфографическими ошибками» [1, с. 172]. Статья В.П. Буренина относится к тому периоду творчества писателя, когда он только входил в литературу, и критик обратился не к «Запискам Степняка», а к небольшой, не очень удачной повести «Волхонская барышня».

Говоря об А.И. Эртеле, В.П. Буренин несомненно учитывал то, что цикл рассказов писателя публиковался в «Вестнике Европы», издании, многократно нападавшем на него. Потому он сразу же поставил под сомнение вывод критики этого издания, что А.И. Эртель продолжает традиции И.С. Тургенева: «... “Записки Степняка”, так, по крайней мере, говорят злые языки, ставились почтенной редакцией и ”по современному содержанию”, и ”по прелести художественной формы” чуть ли не наравне с ”Записками охотника”, и г. Эртель признавался почти ”Тургеневым нашего времени”» [2, с. 182]. Чтобы составить собственное представление, – а именно такую маску надевает критик, – он обращается к произведению, дающему возможность проверить мнение редакции журнала «Вестника Европы».

Оценка повести ведется В.П. Бурениным по двум линиям: оригинальность сюжета и мастерство языка. Иронизируя по поводу свежести сюжета – попытка приезжего в провинцию умника привлечь деревенскую барышню к передовым идеям, – критик сопоставляет творчество молодого автора с произведениями предшественника: «Настоящий Тургенев написал ”Записки охотника”, обнаружив в них бездну художественной наблюдательности, тонкой поэзии в изображении русской природы и русского быта, и осветив нарисованные им картины светом гуманной и либеральной мысли. Г. Эртель пишет ”Записки Степняка” и обнаруживает в них решительно такие же приемы и такие же тенденции, с тою лишь маленькою разницею, что беллетристическая живопись старого Тургенева напоминает изящные акварели,

а беллетристическая живопись нового Тургенева – расписанные подносы. Тургенев сороковых годов изобразил тип его времени в лице Рудина. ”Тургенев семидесятых годов” тоже начинает изображать такой тип в своей новой повести» [2, с. 187]. Критик дает уничижительную характеристику героя А.И. Эртеля, выписывая из повести большие фрагменты, содержащие не только натяжки и нелепости, но и языковые шероховатости («такие вопросы посложнее вашего затейливого туалета. А однако ж и туалет ваш в этой сфере кружится», «факты и мысли, как в ключе, бились в его воображении» и пр.), а затем делает обобщение, касающееся сюжетов современной ему литературы. «По взгляду новейших беллетристов и критиков самая-то суть дела именно заключается не в художественном изображении указанных амуров, а в их ”более тонком и политическом значении”. Видите ли, у нас это вот уже лет двадцать практикуется в беллетристике, что герои-развиватели с “политической” (прежде были с философской или с артистической) закваской должны непременно пробовать свое влияние на барышнях или молодых дамах, не удовлетворяющихся замужеством. Амур с барышнями и дамами выставляются беллетристами в качестве каких-то оселков, на которых изощряется ”идейное” содержание героев. Как только герой, по воле Божьей, столкнется с барышней или интересной дамой, так сейчас и пошла обычная канитель выказывания со стороны героя, какой ”самой последней” идеи служит он представителем и усваивание этой идеи героиней посредством увлечения героем» [2, с. 215 – 216]. Эти избитые сюжеты, воспринятые литературой «второго» ряда у «классиков», он уничижительно называет «системой обучения по амурно-политической методе» или «беллетристической педагогией». В.П. Буренин полагал, что избитый сюжет, отсутствие живого чувства, скверный язык не требуют от автора «живого наблюдения жизни»: создавать бесконечные «эпопеи о развивателях и развиваемых» могут создаваться и по шаблонам. Таким образом, слабое в художественном отношении произведение используется критиком и в литературной борьбе, – как выпал против редакции «Вестника Европы», и для оценки творчества начинающего писателя, и для критики целого ряда произведений, в которых используется расхожий сюжет. Средством оценки, как и в других статьях В.П. Буренина, является разговорная интонация, нагнетание нелепостей и их комментирование, гиперболизация. В иных случаях он использует и маску простака, с удивлением говорящего о литературном произведении.

Книга В.П. Буренина представляет собой ценный литературно-критический памятник эпохи 1880-х гг. В ней собраны статьи и памфлеты, характеризующие споры той поры, содержащие живые отклики на произведения писателей или общественные явления. Она дает возможность судить о литературных и эстетических позициях В.П. Буренина как сторонника реалистического искусства. Он ощущал себя единомышленником Белинского и Добролюбова, полагал, что в литературе важнейшим является идея, а также писательское мастерство. Во всех его выступлениях слышится призыв к

здоровому смыслу, который давал возможность критику избегать восторженных оценок, отделять второстепенное от главного наносного, не следовать за литературной «модой». Во многом его позиции определялись «партийной» политикой, т.е. взглядами той литературной «партии», к которой он принадлежал. Однако эта тема требует специального изучения.

Литература

1. Бунин И. А. Воспоминания / Иван Алексеевич Бунин. – Париж: Возрождение, 1950. – 396 с.
2. Буренин В.П. Критические очерки и памфлеты / Виктор Петрович Буренин. – СПб: Изд-во А.С. Суворина, 1884. – 312 с.
3. Рейтбат А.И. Буренин и Надсон: как конструируется миф / А.И. Рейтблат // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 75. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/re8.html>.

Анотація

С.Л. Лобзова. Книга В.П. Буреніна «Критические очерки и памфлеты» у контексті полеміки про долю російської літератури.

У статті аналізуються літературні та естетичні позиції В.П. Буреніна. Доводиться, що критик у своїх виступах дотримувався реалістичних поглядів на літературу, закликав позбавлятися літературних штамів та удосконалювати мову творів, маючи за взірць творчість класиків літератури та літературної критики. Засобами оцінки були іронія, гіперболізація, розмовна інтонація, іронічне зниження, літературна маска.

Ключові слова: критичний нарис, памфлет, іронія, літературна маска.

Аннотация

С.Л. Лобзова. Книга В.П. Буренина «Критические очерки и памфлеты» в контексте споров о судьбе русской литературы.

В статье анализируются литературные и эстетические взгляды В.П. Буренина. Доказывается, что критик в своих выступлениях придерживался реалистических взглядов на литературу, призывал избавляться от литературных штампов и усовершенствовать язык произведений, имея в качестве образца творчество классиков литературы и литературной критики. Средствами оценки была ирония, гиперболизация, разговорная интонация, ироническое снижение, литературная маска.

Ключевые слова: критический очерк, памфлет, ирония, литературная маска.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.ф.н., проф. Е.А. Андрущенко.